

- ²⁰ При этом восприятие типуна как пятна на языке тоже имеет языковую верификацию, ср., например, данные словенского языка, где слово *pika* имеет, в числе прочих, значения ‘типун’ и ‘ пятно’.
- ²¹ Мокиенко В.М. Образы русской речи..., 398.
- ²² См.: *Варбом Ж.Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. IV // Этимология 1974. М., 1976, 32–36; *Она же.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. XI // Этимология 1982. М., 1985. 29–31; *Она же.* О семантике и этимологии звукоподражательных глаголов в праславянском языке // Славянское языкознание. X Междунар. съезд славистов: Докл. советской делегации. М., 1988, 68–69.
- ²³ Ср., к примеру, версию Ст. Младенова, изложенную в (БЕР 5, 250).
- ²⁴ *Варбом Ж.Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. XI..., 29.

Принятые сокращения

ЛК ТЭ	– Лексическая картотека топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкоznания, г. Екатеринбург).
Прокошева	– Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья / Сост. К.Н. Прокошева. Пермь, 1972.

А.Б. Пеньковский

СЕБЕ НА УМЕ*

Дубовый листок оторвался
от ветки родимой...

М Ю. Лермонтов

Выражение *себе на уме* широко используется в живой разговорной речи и в отражающих ее литературных текстах для характеристики человека по таким признакам душевно-психического склада, как замкнутость или скрытность, за которыми могут стоять хитрость или лукавство, недоброжелательность или отчужденность, расчетливость или самоуглубленность и т.п. “Скрытен, хитер, имеет задние мысли” – так объясняет значение этого оборота Большой академический словарь (ССРЛЯ 13, 551); “скрытен, хитер; имеет заднюю мысль” – повторяет словарь С.И. Ожегова (Ожегов, 652); “скрытен, хитер, не обнаруживает своих мыслей, намерений” – подтверждает “Фразеологический словарь” (Молотков 494) и приводит

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант 01-04-00-132а).

следующие примеры его употребления: “Это человек опытный, себе на уме, не злой и не добрый, а более расчетливый; это – тертый калач, который знает людей и умеет ими пользоваться” (Тургенев, Певцы); “В ту пору он держался в стороне от товарищей и слыл среди них за человека себе на уме” (М. Горький. Мужик); “– Четвертый год живу с тобой, матушка, душа в душу, а каковы твои сокровенные помыслы касательно дел важных – не ведаю. Ты себе на уме, матушка” (В. Шишков. Емельян Пугачев) и др. Таковы же свидетельства, извлекаемые из текстов более позднего времени: “Иногда Юрова разбирало сомнение: может, стариk его просто-напросто дурачит? Прикидывается слепым и глухим, а сам – себе на уме? И знай посмеивается над их доверчивостью...” (А. Яхонтов. Крот); “Вообще Куник Глебову не нравился. Он был какой-то очень молчаливый, неприветливый... и себе на уме” (Ю. Трифонов. Дом на набережной); “– Тот типус! Очень себе на уме! скользкий, увертливый...” (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей); “...незадолго до события у Королькова, человека замкнутого, нелюдимого, что называется “себе на уме”, была отобрана немецкая листовка-пропуск...” (Литературная газета, 1 июня 1988 г.); “...руководитель видит порой выход в том, чтобы подлинные свои решения не афишировать, оставаться, что называется, “себе на уме”, а на поверхности оставлять примитивные документированные решения и пояснения к ним...” (Правда, 10 ноября 1988 г.) и др. под.

Во всех таких случаях говорящий, приписывая тому или иному лицу признак *себе на уме*, не только характеризует его соответствующим образом, но и дает ему сдержанно отрицательную оценку. И поскольку *себе на уме* – *качество* признак, он может быть измерен по степени его интенсивности (*слегка, немного, немножко* или, как в приведенном выше примере из Ю. Домбровского, *очень себе на уме*) и даже, если исходить из высказываний типа “Не верю я вашему Невскому. Уж слишком он себе на уме” (М. Осоргин. Невеста), соотнесен с некоторой средней – умеренной – степенью его проявления, что свидетельствует, по-видимому, о наличии в нашем подсознании нормы этого признака, превышение которой исключает возможность доверия и вообще положительного отношения к его носителю. Ср. еще: “Сын [Хрущева] говорит, что Брежnev был хитрый и злопамятный. Но Хрущев тоже был себе на уме. Два сапога – пара. На весах бы друг друга не перетянули” (“Собеседник”, 1988. № 51. С. 5).

Показательно, что такая характеристика-оценка дается обычно “за глаза” тому, кто ее не слышит, не участвуя в диалоге, третьему лицу, о котором говорят в его отсутствие, или – реже – в качестве упрека адресуется собеседнику, как в цитированном ранее тексте В. Шишкова, но едва ли может быть использована говоря-

ицим по отношению к самому себе. Можно сказать, пускаясь в самоанализ: “Я человек замкнутый, и поэтому у меня так трудно складываются отношения с товарищами по работе”. Можно, оправдываясь, признать: “Да, вы правы, я скрытен, но не потому, что таю за душой что-нибудь недобroe...”. Ср.: “Мне всегда приписывали какую-то скрытность. Отчасти она есть во мне. Но чаще это происходит оттого, что не знаешь, когда и с которого конца начать...” (Н.В. Гоголь – А.С. Данилевскому, 1 апреля 1844 г.). Но, по-видимому, невозможно ни при каких обстоятельствах сказать: “Я, знаете ли, себе на уме...”

* * *

Себе на уме принадлежит к тому типу устойчивых, застывших, употребляющихся в готовом виде фразеологических оборотов, значение которых не может быть выведено из значений составляющих их единиц. Степень связности элементов этого фразеологического целого настолько велика, что ни одно слово в его составе нельзя ни опустить, ни заменить каким-нибудь другим. Нельзя сказать ни **тебе (мне, ему, ей, им) на уме*, ни **себе в уме*, ни **себе на душе* или **себе на сердце*. Нельзя даже изменить здесь порядок слов: не **на уме себе, а себе на уме*. Только так и никак иначе.

Однако такая мертвая жесткость и неподвижность его состава и абсолютная невыводимость, немотивированность его значения не могут быть изначальными. Когда-то – в более или менее отдаленном прошлом – составляющие этот оборот слова должны были иметь самостоятельное значение, а значение целого не могло не быть рационально осмысленным. Но первоначальный смысл, как и в истории многих других фразеологизмов, забылся, и нам необходимо понять, как это могло произойти, чтобы восстановить, воскрепить и объяснить его.

Известно, что многие осмысленные сочетания слов утрачивали первоначально прозрачное значение и превращались в застывшие обороты в связи с тем, что отдельные слова в их составе по тем или иным причинам выходили из общего употребления. Так, например, ушло из языка слово *баклуша* (мн.ч. – *баклуши*), и поэтому сочетание *быть баклушки*, в котором оно продолжало употребляться, превратилось в застывший оборот с невыводимым значением ‘лениться, бездельничать’. То же произошло в таких случаях, как *точить язы – ‘болтать’, задать стрекача / стречка – убежать’, турусы на колесах – ‘болтовня, небылицы, вздор, глупости’, попасть, -ся впросак – ‘оказаться по оплошности в трудном положении’* и т.п. Очевидно, что к выражению *себе на уме* это объяснение не подходит: все три его элемента – местоимение, предлог и существительное – сохраняются в языке и свободно употребляются независимо друг от

друга, как равным образом и две его смысловых части – *себе*, с одной стороны, и *на уме* – с другой.

Предложно-падежное сочетание *на уме* (как и его вариант *в уме*) используется для обозначения того, что разного рода мыслительные действия, а также чувства и переживания человека замкнуты в сфере его сознания и не получают внешнего выражения в произносимом или писаном слове. Так *быть (иметься) на уме* значит ‘быть, иметься в мыслях, в сознании’ (ср. пословицы *У голодной куме всё хлеб на уме; Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке* и т.п.); *а держать на уме (в уме), иметь на уме (в уме) что-либо, кого-либо* значит ‘думать, помнить о чем-либо, о ком-либо’. Ср.: “С превеликою охотою мы благословляли путь всем прочим, мимо нас идущим полкам и желали им в походе приобрести славу и иметь всякое благополучие, а сами и *на уме не имели* досадовать на то, что не будем иметь счаствия быть с ними...” (А.Т. Болотов. Жизнь и приключения...); “Литвинов *держал одно в уме*: увидеться с Ириной” (И.С. Тургенев. Дым). То же в конструкциях с эллипсисом глагольного компонента в высказываниях типа *У него (у нее, у них, у тебя) на уме (в уме) только девочки (мальчики, развлечения, футбол)*, где важна именно идея не выраженной и не выражаемой в слове концентрации мыслей и чувств на том или ином предмете.

В ином – инструментальном – повороте то же самое имеет место в выражениях типа *в уме* (в старом русском языке также *на уме*), т.е. ‘в мыслях, мысленно’, решать задачи (*производить математические действия, вести расчеты и подсчеты, прикидывать, взвешивать, сопоставлять, замечать, отмечать* и т.д.). Ср.: “Всё сие замечал я *на уме*, дабы приобщить потом к описанию крестьян свои замечания...” (А.Т. Болотов. Жизнь и приключения...); “Сядешь на охотничьи дрожки и едешь шагом, кормя ястреба и *пересчитывая в уме затравленных перепелок*” (С.Т. Аксаков. Рассказы и воспоминания охотника); “Счет своим богатствам Зоя Васильевна *вела только в уме, не осмеливаясь довериться бумаге...*” (А. Адамов. Час ночи).

Этот последний пример особенно интересен и важен, потому что позволяет воочию видеть, как совершается переход от обозначения того, что естественно *находится внутри сознания* человека и не выходит вовне, к обозначению того, что *намеренно скрывается, утаивается и не выпускается наружу*. Поэтому *и держать на уме* может обозначать не только ‘думать, помнить’, но и ‘скрывать, утаивать в мыслях’: “Карп ясно понял, что Аксен неспроста отказывается от денег, что верно *держал на уме* какое-нибудь намерение” (Д.В. Григорович. Пахатник и бархатник); “Его лукавая, насмешливая улыбка все сбивает с толку, и не знаешь: правду говорит или глумится, свое дер-

жит на уме” (Д. Фурманов. Мятеж). Ср. поговорку “Два пишем – три в уме”, которая используется и в своем прямом, формально-арифметическом значении, и переносно – как выражение лукавого скрытия некоторой части чего-либо (от доходов до правдивости).

Очевидно, что это значение скрываемой мысли, утаиваемых замыслов или намерений и есть то самое значение, которое входит в целостный смысл интересующего нас оборота *себе на уме*. Но в таком случае естественно возникает вопрос о том, какой вклад в смысловое целое этого оборота вносит его первая часть – местоимение *себе*.

* * *

Возвратное местоимение *себе* (оно не имеет формы именительного падежа, и начальной для него считается форма винительного – *себя*), помимо основного – возвратного – значения (ср.: *лечить себя, вредить себе* и т.п.), используется еще для передачи нескольких других типовых смыслов. Так, например, оно может указывать на то, что действие – вместе с его объектом – замыкается во внешней жизненной сфере того, кто его производит. Ср.: *купить себе костюм, приготовить себе обед*.

Но существует еще одна группа словоупотреблений слова *себе*, представленная высказываниями типа *Поплакала она себе в уголке да и пошла; Он идет себе, никого не замечая; Ему показывают, что время истекло, а он говорит себе и говорит* и т.п. Наши словари, констатируя, что такое *себе* изменяет своей местоименной природе и функционирует в качестве частицы, приписывают ему “значение свободного, независимого действия” (Ожегов 651; МАС IV, 67) или функции “подчеркивания свободы протекания действия”, “его совершения в свое удовольствие или в своих интересах” (ССРЛЯ 13, 549)¹.

Едва ли, однако, такие определения справедливы. Ибо свобода свободе и независимость независимости рознь. Есть свобода и независимость в мире и есть свобода и независимость от мира. Говоря младшему, присутствующему при беседе взрослых: “Ты сидишь здесь и сиди себе и молчи себе в тряпочку”, старший, конечно, предоставляет ему “свободу” остаться, но при этом лишает его права голоса. Какое уж тут “собственное удовольствие” и какие “собственные интересы”! Полученная таким образом “свобода” – это свобода от чуждого. Именно это значение – значение самое отчуждения или отчуждения другого – и несет местоименная частица *себе*. На самом деле она указывает на то, что субъект действия – по собственной воле или по доброй / недоброй воле другого (действуя в своих интересах или не преследуя никаких

интересов, получая удовольствие или не получая его – все это зависит от меняющихся ситуаций и отражающих их контекстов!) – замыкает себя в своем действии, будучи полностью захвачен и поглощен им, отчуждаясь окружающий мир от себя или, замыкая действие в себе, себя отчуждает от внешнего мира, или же отчуждается миром и, оказываясь объектом отчуждения, замыкается в себе и в своем действии.

Вот несколько показательных контекстов: “Он *⟨граф Б⟩* стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни и выплевывая косточки, которые долетали до меня. Его равнодушное взбесило меня. Что пользы мне, подумал я, лишить его жизни, когда он ею во все не дорожит? Злобная мысль мелькнула в уме моем. Я опустил пистолет. “Вам, кажется, теперь не до смерти, – сказал я ему, – вы изволите завтракать; мне не хочется вам помешать” – “Вы ничуть не мешаете мне, – возразил он, – извольте себе стрелять, а впрочем, как вам угодно...”...” (А.С. Пушкин. Выстрел, 1); “Помилуй, – сказала я однажды, – охота тебе вмешиваться не в наше дело. Пусть мужчины себе дерутся и кричат о политике; женщины на войну не ходят, и им дела нет до Бонапарта...” (А.С. Пушкин. Рославлев); “– Вот! – сказала Лиза, – господа в ссоре, а слуги друг друга угождают. – А нам какое дело до господ! – возразила Настя, – к тому же я ваша, а не папенькина. Вы ведь не бралились еще с молодым Берестовым; а *старики пускай себе дерутся, коли им это весело...*” (А.С. Пушкин, Барышня-крестьянка); “И табор свой с классических вершинок / Перенесли мы на толкучий рынок, / И там себе мы возвимся в грязи, / Торгуемся, бранимся так, что любо...” (А.С. Пушкин. Домик в Коломне); “С мечети божьей лишь мулла седой / Ему *⟨Акбулату⟩* смеясь кивает головой – / И говорит: “Куда спешишь, мой сын? / Не лучше ли гулять в широком поле? / Черкес прямой – всегда, везде один / И служит только родине да воле! / (...) / Но, если б он послушался меня, / Жену бы кинул – а купил коня!” / – Молись себе пророку, злой мулла, / И не мешайся так в дела чужие. / Твой верен глаз – моя верней стрела: / За весь табун твой не отдам жены я!..” (М.Ю. Лермонтов. Аул Бастунджи).

Этот свойственный частице *себе* семантический комплекс “замкнутость во внутреннем мире / отчужденность от мира внешнего” передается также подкрепляющей и усиливающей ее сопровождающей глагольной частицей *зная*, генетически – формой императива глагола *знать*, древнейшее этимологическое значение которого – “внутреннее глубинное знание” в противопоставлении идеи “внешнего, извне получаемого знания”, носителем которой является глагол *ведать*. Ср.: *знать не*

знаю и ведать не ведаю, что значит исконно” сам не знаю и от других не слышал”. Как определяют наши словари, *зной / знай себе* (в сочетании с глагольными формами) – “не обращая внимания ни на кого, ни на что” (ССРЛЯ 4, 1291; Ожегов 215; МАС I, 617).

Отсюда лишь один шаг до того значения, которое нас занимает. Это значение представляет собой указание на то, что действие мысли, речи или чувства замыкается во внутреннем мире, в сознании человека, не получая внешнего выражения в каких-либо действиях или в слове. Для выражения этого значения русский язык располагает целой серией местоименных оборотов, включающих формы возвратного местоимения *себя*. Среди них – широко употребительное сочетание *про себя* (ср.: *думать, говорить, вздыхать, тосковать, радоваться про себя*) и такие устаревающие или устаревшие (выходящие или уже вышедшие из употребления) обороты, как *внутри себя, с собой (сам с собой, наедине с собой, наедине с самим собой), в себе (сам в себе, в самом себе)* и др. Ср.: “Сам губернатор, чувствуя внутри себя всё превосходство умственных способностей председателя, отзывался о нем, как о человеке необыкновенном” (А.И. Герцен. Кто виноват?); “[Соррини] ...Не засмеешься ты, когда скажу, / Что и старик любить умеет сильно; / И в том признаешься невольно ты... / Любить! смешно, как это слово / Употребляю я с самим собою...” (М.Ю. Лермонтов. Испанцы, 2, 1, 1830); “Пьер решил сам с собою не бывать больше у Ростовых” (Л. Толстой. Война и мир); “Я возражал решительно, хотя наедине с собою понимал, что был неправ, даже очень неправ” (И.И. Панаев. Воспоминания); “Я радуюсь в себе, читая ваши письма...” (Н.И. Новиков – А.И. Кошелеву, 21 января 1812 г.); “В самом деле, – сказал я сам в себе, – ведь я сего не искал и не желал нимало...” (А.Т. Болотов. Жизнь и приключения). Ср. также использование архаического оборота *сам в себе* как средства стилизации в новейшем переводе Евангелия: “И, видя Иисус веру их, сказал расслабленному: дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои. При сем некоторые из книжников *сказали сами в себе*: Он богохульствует” (Мф. 9.9 // В мире книг, 1988. № 12. С. 25).

В этом синонимическом ряду находит место и беспредложная форма дательного падежа возвратного местоимения *себе*, которая используется преимущественно при глаголах мысли и речи для указания на то, что внутренняя речь или мысль имеют адресатом не какое-либо внешнее лицо, а самого говорящего: “Если бы, часто *думаю себе*, появился в окрестностях Петербурга какой-нибудь бродяга ночной разбойник и украл этот несносный кусок земли, эти 24 версты от Петербурга до Цар*(ского)* С*(ела)*” (Н.В. Гоголь – В.А. Жуковскому, 10 сентября 1831 г.); “Ну, – подумал я себе, – дело плохо, надо убираться подобру-поздорову...” (П. Боборыкин. Соседка); «“Я сама виновата. Я раздражительна, я бессмысленно ревни-

ва...” – говорила она себе» (Л. Толстой. Анна Каренина). Ср. также варианты с подчеркивающе-усилительным распространителем *сам* (-*а*, -*и*): “Я дворянин, – сказал я сам себе, – я не создан терпеть унижения” (Д.И. Фонвизин. Разговор у княгини Халдиной); “А ты, мой друг, говорил я сам себе, – ступай-ка себе скорей в свое любезное Дворяниново” (А.Т. Болотов. Жизнь и приключения...); “Впредь, – говорил я самому себе, – должно мне быть осторожнее...” (А.Т. Болотов. Жизнь и приключения...)

Во всех рассмотренных выше случаях выражается то значение внутреннего – скрытого или скрываемого – рече-мыслительного действия, которое обычно передается с участием образующих параллельный местоименному обширный синонимический ряд наречий и наречных оборотов, таких, как *мысленно, в мыслях, в душе* (ср. устар. *в духе*), *в глубине / тайниках души, внутренне* и др.² Ср.: «Он поворачивается на бок, с головой укутывается шинелью, *мысленно говорит*: “Надо было подпустить его, отвести удар, сшибить прикладом...”» (М. Шолохов. Тихий Дон); “Нет, – говорит он в мыслях, – я им этой радости не доставлю...” (П. Романов. День ушедшего); “[Ноэми] ...Когда ж произношу его название, / Хотя бы в мыслях только я сказала – / Фернандо!.. то краснею...” (М.Ю. Лермонтов. Испанцы, 3, 1) «”Ну, слава Богу, все кончилось”, – облегченно говорит он в душе и засыпает...” (В. Крестовский. Брат и сестра); “Чего только не передумал я в глубине души в эти дни, если бы ты знал...” (Г.С. Батеньков – А.В. Поджио, 25 января 1822 г.) и т.п. Ср. также устар. *в духе*: “Сколько раз думал я в духе все бросить, от всего отречься...” (М.М. Сперанский – Е.М. Сперанская, 21 марта 1813 г.); “Нет, – говорит я в духе, когда сон бежал глаз моих, – я не уступлю, я не поддамся...” (В.Л. Пушкин – И.И. Дмитриеву, 16 марта 1813 г.) и др. под.

В этом же ряду находится и устаревшее *на уме*: “Я делал вид, что внимательно его слушаю, улыбался, кивал головой, а сам думал на уме только о том, как бы сбыть этого скучного гостя...” (Записки князя Д.В. Мещерского, 1832).

* * *

Мы вернулись, таким образом к сочетанию *на уме*, и, следовательно, можем утверждать, что форма возвратного местоимения *себе*, принадлежащая местоименному синонимическому ряду, и сочетание *на уме*, принадлежащее наречно-именному синонимическому ряду, объединяются общим для обоих этих рядов смыслом, отсылающим к внутренней сфере сознания человека, в которой замыкаются речь и мысль, не получая выхода вовне и не реализуясь ни в физическое действие, ни в произносимое и/или писаное слово. Различие же между ними состоит в том, что *себе*, как и другие члены ме-

стоименного ряда, только у *казывает* на эту сферу, тогда как *на уме*, как и другие члены наречно-именного ряда, эту сферу *называет* (при всей неопределенности и расплывчатости таких ее участков или зон, как ум, мысли, душа, дух, сердце и др.), дифференцируя, конкретизирует.

Именно поэтому оказывается возможным объединение членов двух этих рядов – местоименного и наречно-именного – в составе одного высказывания. Такое объединение может осуществляться либо в целях усиления-подчеркивания, либо в целях уточнения и конкретизации.

В качестве яркого экспрессивно-усилительного средства, создающего эффект экстатического напряжения речи, этим приемом широко пользовался Ф.М. Достоевский. Ср., например, некоторые случаи такого объединения-нанизывания в языке его романа “Братья Карамазовы”: «– Стойте, стойте, запишите так: “В буйстве он виновен, в тяжких побоях, нанесенных старику, виновен”. Ну там еще *про себя, внутри, в глубине сердца своего виновен...*»; “Этот поступок он всю жизнь свою считал *глубоко про себя, в тайниках души своей* – самым подлым поступком всей своей жизни”; “Он сам твердо помнил, что *в душе своей* тогда же шепнул *про себя*: “А ведь вздор, не поедешь...” и мн. др. под.

Широкое распространение явлений такого рода в старом русском языке середины XVII – начала XIX в., как об этом свидетельствуют многочисленные фактические данные, должно, по-видимому, объясняться по-другому – как отражение неустойчивости и колебаний в долго и трудно складывающихся нормах литературного выражения. Ср., например, *думать, говорить (сказать) размышлять мысленно в себе, в мыслях сам с собой, в духе про себя, в душе себе самому* и т.п. Ср.: “Господи! – думал я тогда и *в мыслях говорил сам с собою*, – куда же мне идти и где искать спасения?..” (Д. Головин. Записки, 1819); “Я слушал его и *думал себе в душе*, что никогда не обращусь к нему более ни с какою нуждою” (И. Плещеев – А.М. Кутузову, 14 марта 1798 г.); “Положение мое показалось мне слишком трудным, и *я стал размышлять в себе на уме*, кого и кого я мог позвать себе в помощь” (Воспоминания Н.А. Мятлева, 1822 г.); и мн. др. под. Ср. в стилизации: “Да, я помню, я теперь понимаю..., как он при этом обреченно к ней склонялся, как будто он там что-то такое *втайне про себя уже наметил...*” (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов).

Именно в этом ряду фактов находит свое законное место и наш оборот *себе на уме*, представляющий собой по происхождению объединение местоименного и наречно-именного показателей внутреннего протекания мысли – речи: “Ну, что же, – *сказал я себе на уме*, – придется начать все сначала...” (К.А. Полевой – Н.А. Полевому,

14 февраля 1820 г.); «...он очень занят принцем Прусским, ездил с ним часа три по городу; Москва ему очень полюбилась. Воротились в пятом часу домой и Волков, к досаде не самолюбия, не честолюбия, но желудка проголодавшегося, не был принцем удержан обедать и должен был идти в трактир. “Молчи же, принц, сказал себе на уме комендант, – я тебе за эту заплачу”...» (А.Я. Булгаков – К.Я. Булгакову, 10 сентября 1820 г.).

В первом из этих примеров представлено исходное состояние: *себе на уме* здесь – это свободное сочетание двух близких по значению показателей внутреннего протекания речи, каждый из которых может быть опущен без ущерба для целого. При этом форма *себе*, управляемая глаголом речи, выражает значение внутренней сферы речевого действия через указание на адресат речи, которым является сам говорящий.

Во втором высказывании исходное состояние, сохраняясь внешне без изменений, внутренне поколеблено и сдвинуто. Внутренняя речь обращена говорящим к самому себе как клятвенное обещание и в то же время адресована другому как обещание-угроза. Именно в такого рода контекстах и происходило, как можно предполагать, наполнение оборота *себе на уме* такими связанными с отрицательной оценкой смыслами, как недоброжелательность, хитрость, злоумышление и т.п. Форма возвратного местоимения *себе*, будучи знаком автомаркировки, в то же время уже готова здесь к тому, чтобы освободиться от этого значения, став чистым показателем внутренней сферы речевого действия. Все сочетание поэтому как будто остается еще свободной связью двух его частей, однако опустить вторую из них уже нельзя. Прикрепленное к глаголу речи (*сказал*), это сочетание вполне готово от него оторваться. Ср. здесь возможность такой интерпретации, как “...сказал комендант, будучи себе на уме...”

Такому отрыву *себе на уме* от глаголов мысли-речи и превращению его в застывший фразеологический оборот с оценочно-характеризующим значением способствовали, как можно предполагать, несколько различных факторов. Среди них можно было бы отметить: 1) достаточно легко реализуемую возможность эллипсиса глаголов мысли-речи (ср.: “Стоит царский дворец на Неве-реке, / Перед ним лежит площадь белая, / А на ней стоит царь-гранитный столп. / (...) / На столпе том стоит ангел родственный. / Загляделся родной на старинный свой дом / И себе на уме: “Благодарствуй, брат! / Хорошо-высоко ты поставил меня / Наводнений, огня не терпеть мне здесь...”» (З.А. Волконская, Песнь невская, 1837); 2) чрезвычайную перегруженность синонимического ряда местоименных показателей внутренней мысли-речи, а также 3) долгую конкурентную борьбу предлогов *в* и *на* с винительным и предложным падежами, завершившуюся во многих случаях вытеснением из языка оборотов с

предлогом *на* (ср. *на ту пору – в ту пору, принести на жертву – принести в жертву* и т.п.) или их фразеологизованным разграничением, а также некоторые другие. Когда все эти факторы объединились, появился оборот *себе на уме*, который сегодня уже не помнит, на какой ветке он вырос.

Примечания

- ¹ См. также: Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. II. М., 2000, 574.
- ² Подробнее см.: Пеньковский А.Б. Из наблюдений над развитием и становлением лексико-семантических норм в одном синонимическом ряду наречий // Норма в лексике и фразеологии / Отв. ред. Л.И. Скворцов, Б.С. Шварцкопф. М., 1983.

М. Якубович

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВАЦИИ В НАЗВАНИЯХ ЭМОЦИЙ

В настоящей статье рассматриваются типы семантической мотивации названий эмоций. Статья является частью более развернутого исследования, в котором предпринята попытка изучения источников разных видов мотиваций. Исследование проведено на материале славянских и неславянских языков. В настоящей статье проанализирована основная часть мотиваций – мотивации, связанные с физиологией человека.

1. Частым источником обозначений злости и гнева являются названия частей тела. Приведенные ниже слова базируются на названиях внутренних органов тела или на названиях субстанций, выделяемых этими внутренними органами.

Праслав. **sъrditi sę* ‘сердиться’, производное от праслав. **sъrda* ‘сердце’, к нему примыкает алб. *zemëroj* ‘сердиться’ от *zemër* ‘сердце’, последнее, однако, может быть семантической калькой с.-хорв. *srditi*.

Польск. *rozjaszyć się* ‘рассердиться’, производное от *jîcha* ‘кровь’.

Праслав. **q̥triti sę* ‘растравлять, бередить, способствовать гноению’, перен. ‘сердиться’, производное от праслав. **q̥tro* ‘печень; внутренности’ < и.-е. **en-tro* ‘внутренности’ (Słownik prasłowiański VI, 102–103).